

различения глагольных лексем и глагольных синтаксем. В словарях за глаголом *работать* следует глагол *работаться* с пометкой *безл.*, за глаголом *лежать* — *лежаться*, *сидеть* — *сидеться*, *жить* — *житься* и т. п. Нельзя не заметить, что глагол в вариантах на *-ся* резко отличается по своему статусу от своего коррелята без *-ся*. Глаголы *работаться*, *сидеться* и т. п. не имеют личных форм, не образуют ни причастий, ни деепричастий, ни императива, не имеют обычно соотносительной видовой пары, да и сама форма инфинитива, по традиции представляющая глагол в словаре, имеет ограниченную употребительность (см. *Мне не работается* — *Должно работать!*). Остаются временные варианты: *Мне не работалось* — *Не работается*. Отсутствие глагольных форм и категорий у подобных слов подтверждает догадку Л. В. Щербы, что, может быть, правильно было бы не считать безличные глаголы глаголами. Грамматическая квалификация безличных глаголов — это особый вопрос. Здесь же перед нами, по-видимому, все-таки не самостоятельные лексемы, а периферийные производные формы глагола, которые стоят особняком от глагольной парадигмы и представляют собой одну из синтаксем глагола, обусловленных единственной конструкцией, в которой они употребляются (*Мне работается*, *Ему не спится*), и предназначенных для выражения их специфического грамматического значения в предикативном сочетании с именной субъектной синтаксемой в дательном падеже. Такие формы — объект синтаксиса, а не лексикологии, и они должны занять соответствующее место в словаре синтаксем русского языка.

Наблюдения над соотношением категориальной семантики и морфологии в синтаксических единицах вызывают ряд вопросов, касающихся разграничения в слове формы и содержания, лексического и грамматического. Если отождествлять формальное с морфологическим, содержательное с семантическим, правомерно ли говорить о «разграничении в семантике слова лексического и грамматического значений»? Что понимать под морфологической структурой — словоизменительную или морфемную, словообразовательную структуру слова? Можно ли считать синонимичными, взаимозаменяемыми дефиниции а) формальное, морфологическое, грамматическое, категориальное и б) содержательное, смысловое, лексическое, индивидуальное, рассматривая а) и б) как две стороны знаковой сущности слова? [16, с. 5, 6, 9, 10]. В описании слова как лексической единицы граница между лексическими значениями слова и его морфологической характеристикой обычно кажется ясной, вместе с тем привычно относить последнюю к грамматическим значениям. Эта ли граница разделяет две стороны слова, выражающие знаковое отношение?

Если справедливо полагать формой слова как знака его звуковую оболочку, звуковой ряд, как это, вероятно, и понималось Ф. де Соссюром, С. Карцевским, Е. Куриловичем и другими лингвистами [23, с. 295], а содержательную сторону видеть во взаимодействии лексического и грамматического, закономерно ли отношения между звуковой формой слова и его значением возводить в принцип отношения между всякой языковой формой и ее значением, поскольку в данном случае означающее (звучание) немотивированно, а в других может быть мотивированным?

Каково соотношение означающего и означаемого в синтаксеме? В синтаксеме нет противопоставленности формально-грамматического и семантического, поскольку синтаксема как синтаксическая единица не формируется только словоизменительными (если так понимать формально-грамматическое) средствами. Оппозиция слов *корова/весна* демонстрирует общность грамматической формы и различие лексического значения, оппозиция словоформ *корова/коровой* — общность лексического значения и различие грамматической формы.

Но оппозиция синтаксем *коровой/весной* не сводима к сопоставлению по морфологическому или по лексическому признаку. В формировании синтаксемы *коровой*, представляющей ряд аналогичных синтаксем со зна-